

О. А. Гергиев
Минск, МГЛУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В рамках прагматического аспекта функционирования местоимений в англоязычной и белорусскоязычной публичной речи на культурно-исторические темы анализируются личные и притяжательные местоимения, репрезентирующие категорию адресанта. Рассмотрены случаи как прототипического (включающего говорящего), так и непрототипического (исключающего говорящего) употребления местоимения *мы*. Показано, что использование в публичной речи местоимений является эффективным средством достижения цели убеждения.

Местоимения как непростые в описании элементы языка всегда приковывали к себе пристальное внимание ученых-лингвистов. Традиционный вопрос, поднимаемый исследователями, касается местоименного значения. В силу отсутствия денотативного компонента семантика местоимений размыта. Референциальный же компонент в каждом новом речевом акте появляется заново. Такая семантическая неопределенность делает местоимения прагматически богатым классом слов [1, с. 43].

В пределах предпринятого анализа прагматических функций местоимений в англоязычной и белорусскоязычной публичной речи на культурно-исторические темы нами рассмотрены не все местоимения, а лишь те, которые репрезентируют категорию адресанта. К таким местоимениям в анализируемых языках относятся личные (*я, мы, I, we*) и притяжательные (*мой, наши, ту, mine, our(s)*).

Наибольший интерес представляет местоимение первого лица множественного числа *мы*. Давно замечено, что оно не является «простой плюрализацией» личного местоимения *я* [2, с. 266], т.е. «мы означает ‘я’ + ‘кто-то другой’» [1, с. 58]. Безусловно, встречаются случаи, когда *мы* = ‘я’ + ‘я’ + ‘я’... Это ситуации употребления так называемого *хорового мы (choral we)* [3, р. 10]. В качестве примера можно привести политическую демонстрацию, церковную службу или скандирование фанатами футбольных слоганов. Однако такие случаи очень редки и скорее составляют исключение из правила. Чаще всего вторым компонентом *мы* является либо адресат сообщения, либо третье лицо, непосредственно не участвующее в общении. Исходя из этого, некоторые языки различаются по принципу включения/исключения адресата из области референции местоимения *мы*. Однако английский и белорусский языки не дифференцируют на морфологическом уровне *мы*-инклюзивное и *мы*-эксклюзивное, что в действительности еще больше увеличивает прагматический потенциал данного местоимения. Неочевидность второй составляющей *мы* позволяет говорящему прибегать к различным речевым манипуляциям в отношении адресата [4].

Так, используя в своем выступлении личное местоимение *мы* и посессив *наш*, оратор солидаризируется с адресатом и тем самым создает эффект общности и единения с публикой: *This is an enormous achievement. One that we have done together. It serves our country well; will serve it further in the future. It is something we will and must cherish* ‘Это огромный успех. Успех, которого мы добились все вместе. Это достижение приносит огромную пользу нашей стране и будет приносить ее в будущем. Это то, о чем мы должны и будем заботиться’; *Мы з вамі сведкі таго, як поўным ходам ідзе інфармацыйнае проціборства.*

Приведем еще один пример: *Я хацеў бы завяршыць сваю ўступную прамову і пажадаць нам усім паспяховай працы ў Кансультацыйным савеце.* Оратор благодаря местоимению *мы* кооперируется со слушающими, показывает свою вовлеченность в общее дело. Сравните: *Паважаныя калегі, я жадаю вам, каб праблемныя пытанні абмяркоўваліся плённа, цікава і ярка.*

Вместе с тем использование *мы* вместо *я* дает возможность говорящему спрятаться за неоднозначным референтом [5, р. 234] и частично снять с себя ответственность, т.е. разделить ее либо со слушающими, либо с третьими лицами, не участвующими в общении: *Years ago, before coming to the government, I said that we would make the arts and culture part of our “core script”* ‘Несколько лет назад, еще до моего прихода в правительство, я заявил, что вопросам культуры и искусства мы отведем центральное место в нашей программе’; *Перад намі стаіць важная і адказная задача па рэалізацыі плана юбілейных мерапрыемстваў, зацверджаных настановай Савета Міністраў. Але выканаць яе дастойна мы зможам толькі разам і толькі тады, калі ў кожнага з нас у сэрцы будуць гучаць словы Максіма Багдановіча.*

В то же время местоимения *мы* и *наш*, выражая коллективный субъект, т.е. некую группу людей, используется с целью дистанцирования от другой группы, которое проходит по линии «свой–чужие»: *I read recently that London is home to more billionaires than any other city on the planet. One of the reasons such people choose to live here is our world-beating cultural scene and there’s no reason why they can’t do more to support it* ‘Недавно я прочитал, что в Лондоне живет больше всего миллиардеров, чем в любом другом городе на планете. Одна из причин, почему они выбирают именно Лондон, кроется в нашей уникальной культуре. Однако нет объяснения тому факту, почему они не могут оказать ей поддержку’; *Я думаю, што і на нашу з вамі працу хтосьці паспрабуе навесіць нейкія ярлыкі – што, маўляў, у Беларусі ізноў уздымае галаву нацыяналізм і гэтак далей...*

Во всех приведенных выше примерах в местоимении *мы* присутствует компонент ‘я’. Однако в некоторых случаях ‘я’ может практически исключаться из ‘мы’: *докторское мы (medical we)*. В целом местоимение первого лица множественного числа с референциальной точки зрения является самым сложным из всех местоимений [6, р. 33].

В публичной речи нами отмечены случаи использования так называемого директивного *мы* (*directive we*): *Мы не павінны дапусціць надобных пралікаў пры рэалізацыі праграмы “Культура Беларусі” на 2016–2020 гады. Выкананне яе заданняў з першых дзён рэалізацыі будзе знаходзіцца пад пільным кантролем Міністэрства культуры.* В данном случае местоимение *мы* выполняет функцию вежливости. В действительности *мы* подразумевает *вы*, однако использование местоимения второго лица множественного числа создает угрозу коммуникативному имиджу адресата [7, p. 325]. Поэтому оратор, предпочитая *мы*, сокращает социальную дистанцию и тем самым увеличивает вероятность выполнения адресатом той или иной просьбы. Приведем еще несколько примеров, где *мы* выступает в качестве средства коммуникативного смягчения: *But culture comes in many forms and we need to recognise that too...* ‘Культура существует в различных формах, и мы тоже это должны с вами понимать...’; *Пры гэтым я заклікаў бы ўсіх нас быць рэалістамі і не патрабаваць адразу і ўсё, і ў матэрыяльным выглядзе, скажам так.*

Местоимение *мы* и посессив *наш* часто используются с целью выражения эмоциональной или социальной связи говорящего с определенной группой. Чаще всего в роли такой группы выступает народ, страна. В таких случаях говорящий может и вовсе исключаться из области референции местоимения *мы*: *Аснова паразумення з суседзямі і светам – у нашай ваеннай гісторыі. Гэтае адзінства выратавала нас у ваенны перыяд.* Во втором предложении форма *нас* не подразумевает говорящего, поскольку тот не является исполнителем действия. Очевидно, что оратор не принимал участие в войне, однако местоимением *мы* он демонстрирует свою эмоциональную связь с нацией.

Что же касается местоимений первого лица единственного числа, то спектр прагматических функций здесь гораздо уже, чем у местоимений *мы* и *наш*. Так, в следующем примере оратор, используя местоимение *я*, берет на себя всю ответственность за сказанное: *I’ll be encouraging philanthropists to support culture right across the UK* ‘Я буду стремиться к тому, чтобы филантропы оказывали поддержку культуре по всему Соединенному Королевству’.

Еще одним прагматическим аспектом использования местоимений *я* и *мой* является желание говорящего представить себя в лучшем свете: *So, I’m delighted that broadening access and opportunities to the arts is a priority for my department* ‘Я рада, что расширение доступа и возможностей для населения в сфере искусства является приоритетной задачей моего министерства’; *Я не скарджуся. Я магу паехаць у іншыя краіны, ды і ў нашай вывесіць афішы, і людзі прыйдуць, і купяць білеты менавіта на тым кошце, што мы ўстанавім.* В данных примерах выступающие демонстрируют свой более высокий по отношению к адресату социальный статус.

В целом анализ показал, что использование оратором личных и притяжательных местоимений является эффективным средством достижения основной цели публичной речи – убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Лингвопрагматические особенности личных местоимений / Б. Ю. Норман // Лингвистическая прагматика: На материале русского и других славянских языков : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – С. 43–62.
2. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. *Daniel, M.* Understanding inclusives / M. Daniel // *Clusivity. Typological and case studies of the inclusive-exclusive distinction* / ed. E. Filimonova. – Amsterdam; Philadelphia, 2005. – P. 3–48.
4. *Норман, Б. Ю.* Русское местоимение мы : внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // *Russian Linguistics*. – 2002. – Vol. 26, № 2. – С. 217–234.
5. *Pyukkö, R.* Who is 'we' in Russian political discourse / R. Pyukkö // *Us and others : social identities across languages, discourses and cultures* / ed. A. Duszak. – Amsterdam; Philadelphia, 2002. – P. 233–248.
6. *Helmbrecht, J.* Grammar and function of we / J. Helmbrecht // *Us and others : social identities across languages, discourses and cultures* / ed. A. Duszak. – Amsterdam; Philadelphia, 2002. – P. 31–50.
7. *Du Bois, I.* Grammatical, pragmatic and sociolinguistic aspects of the first person plural pronoun / I. Du Bois // *Subjectivity in language and discourse* / ed. N. Baumgarten, I. Du Bois, J. House. – Bingley, 2012. – P. 319–338.

The paper is focused on the pragmatic functions of the first person singular and plural pronouns in British and Belarusian public speeches. It is shown that the pronouns are an effective means of persuading the audience.

Л. Е. Качалова

Минск, МГЛУ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ «УЧИТЕЛЬ → УЧЕНИК» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрены особенности речевого поведения ведущего участника коммуникации ситуации «учитель → ученик» в рамках употребления в речи грамматических средств воздействия на английском и русском языках. Выявленные сходства и различия представлены с учетом специфики функционирования в речи наиболее частотных речевых приемов грамматического характера на обоих языках.

Коммуникативная стратегия речи как «способ реализации замысла предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата» [1, с. 189]. Схожей точки зрения придерживается польский исследователь Я. Микуловски-Поморски, который пишет, что коммуникация в процессе развертывания речевой ситуации всегда носит намеренный характер, т.е.